

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

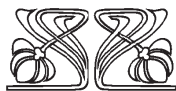
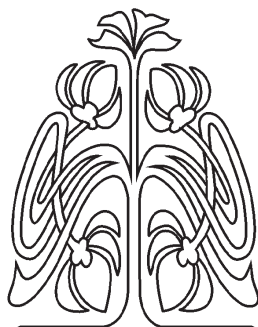
Рецензия на книгу: Мезин С. А. Пётр I во Франции. – Санкт-Петербург : Европейский Дом, 2015. – 312 с. ; ил.

Рецензируемая книга – первое монографическое описание поездки Петра I во Францию 10/21 апреля – 13/24 июня 1717 г. Основанное как на русских, так и на французских источниках, учитывающее трёхсотлетнюю традицию интерпретации и изучения, исследование С. А. Мезина даёт многогранное освещение данного события.

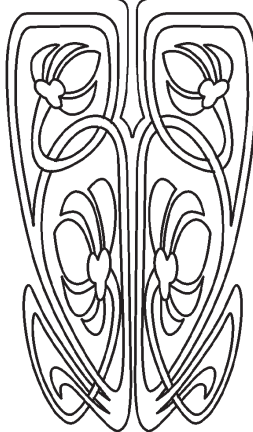
Каждая часть книги имеет самостоятельную научную ценность, начиная с подробного анализа историографии и источников, в ряде которых автор обнаруживает вторичность, убедительно раскрывает причины имеющихся ошибок и искажений, обращает внимание на природу текста (например, литературный элемент в жанре «подлинных анекдотов», позднейшую обработку в «записках» и даже «Походном журнале»); далее идёт сопровождающаяся ссылками на оригинальные документы подневная роспись пребывания русского царя во Франции, а затем – главы, посвящённые разным аспектам этого, едва ли не первого, опыта диалога двух культур. В тематических главах представлены дорожные впечатления русских путешественников и то, что открылось их глазам в Париже, резиденциях французских королей и аристократии; описана повседневная жизнь русского посольства и передано отношение французов к необычным гостям; целостно рассмотрены официальные встречи, дипломатические переговоры, знакомство русского императора с европейскими искусствами и наукой. В приложениях опубликованы выполненные автором точные переводы «Похвального слова царю Петру I» Б. де Фонтенеля и биографии Петра I, напечатанной во французской официальной газете сразу после его смерти.

Главным достоинством книги С. А. Мезина является не просто представление большого по объёму материала, а его корректная подача, доказательность каждого положения. В суждениях и выводах автора нет ни искажающего факты «энтузиазма», ни высокомерия «многомудрого исследователя», в чём он позволяет себе упрекнуть своих предшественников. Впрочем, приведёнными фразами оценочные суждения в адрес коллег и ограничиваются, ещё одной привлекательной стороной рецензируемой работы является уважительный, сдержанный тон научной полемики.

С. А. Мезин очень хорошо демонстрирует вписанность тех или иных интерпретаций поступков и суждений представителей обеих сторон этой исторической встречи сначала – в «мифологический» контекст, а затем – в определённые научные традиции, на которые оказывали влияние и та же «мифология», и идеология, и другие факторы. Так, расхожим представлениям о «варварах», лейтмотивами проходящим во французских мемуарах свидетельствам о пьянстве, грубости, разврате свиты русского царя и нецарском поведении его самого (особенно о недостойной правителя скупости), автор монографии противопоставляет данные русской стороны, в частности – документальные сведения об оплате услуг и подарках хозяевам. Кроме того, он напоминает, что формально Пётр посетил Францию инкогнито, и поэтому «нецарское» поведение вплоть до самого конца поездки (когда и щедрость проявилась в полной мере) можно объяснить сохранением этого инкогнито. С другой стороны, раскрывается тенденциозность сначала русских, а затем советских историков, очень желавших, например, доказать, что Пётр был принят в члены Парижской академии наук ещё во время пребывания в столице Франции. Подробно прослеживая пути формирования данного мифа (от Фонтенеля и Вольтера, через Н. А. Полевого и далее), С. А. Мезин обращает внимание на то, что при таком подходе ускользают из вида реальные «трудности в отношениях русского царя

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

с парижскими академиками» (с. 210), возможно, являющиеся трудностями не только «учёного», но и политического порядка.

Примеров тщательной и непредвзятой работы с источниками можно было бы привести много. Обратимся ещё только к завершающим книгу приложениям. Необходимость собственного перевода «Похвального слова» Фонтенеля С. А. Мезин объясняет отсутствием до настоящего времени перевода точного, в частности, «то, что было в Париже панегириком, отнюдь не казалось таковым в Петербурге. Поэтому все переводы сочинений Фонтенеля на русский язык вплоть до середины XIX века подвергались редактированию и сокращению» (с. 256). А статья, сопровождающая посмертную публикацию биографии Петра I во французской газете, представляет собой блестящий образец «монографического» анализа документа. Оспаривая заявление исследователя середины XX в. о том, что «для того, чтобы находить интересной эту статью, содержащую лишь банальности, надо быть полным невеждой в данной теме», С. А. Мезин обращает внимание на то, что французы в 1725 г. были именно такими «невеждами» и сведения, предложенные газетой, не являлись для них «повторением избитых истин» (с. 279). Он вписывает интересующую его статью в ряд других французских газетных публикаций 1725 г., прослеживает динамику отражённых в них фактов. Допущенные же французским журналистом ошибки в датах он не просто отмечает и исправляет в примечаниях, а пытается интерпретировать как, в ряде случаев, сознательную подтасовку, обусловленную неоднозначностью для французской дипломатии вопросов законности российской власти и российского престолонаследования. Таким образом, приложения, своеобразно замыкая композицию книги, ещё раз акцентируют поставленную во введении и проходящую через всю работу проблему критики источников.

Однако стремление автора к объективности не делает книгу, что называется, «сухой». Из неё вырисовывается цельный образ первого российского императора – человека, не имеющего (особенно с точки зрения французов) утончённого вкуса и культурных привычек, но в полной мере отдающего себе отчёт в происходящем, осознающего своё положение, кроме того – человека умного, любознательного, со своеобразным чувством юмора. Созданию такого, в основном привлекательного, образа Петра I способствует сквозное на протяжении всей книги цитирование его личных писем к близким людям, в первую очередь к жене Екатерине Алексеевне («Объявляю вам, что в прошлый понедельник визитовал меня здешней каралища <...> дитя зело изрядная образом и станом, и по возрасту своему довольно разумен, которому семь лет» (с. 105); «... а что пишете, что я скоряя даму сыщу, и то моей старости не прилично» (с. 155)).

С. А. Мезин, очевидно, принципиально избегает реконструкции психологической мотивации

поступков исторических лиц. Но тем примечательнее единственное исключение – трактовка впечатления, произведенного на Петра I картиной П. П. Рубенса «Рождение Людовика XIII в Фонтенбло»: «Что же поразило царя в этой картине: факт изображения родов королевы или искусство Рубенса? – с иронией спрашивает современный исследователь. Скорее всего, и то и другое. Глядя на картину, царь вполне мог вспомнить не только своего новорожденного сына Павла, родившегося в январе 1717 года и умершего на следующий день, но и “проклятого <...> большого сына”, бежавшего накануне от отца, опозорив его на всю Европу. В условиях, когда единственный сын от Екатерины малолетний Пётр отличался крайней болезненностью, было о чём задуматься, глядя на королевского наследника в руках “гения Здоровья”» (с. 174–175). Даже если это и «приписывание» историческому лицу чувств, скорее свойственных в подобной ситуации исследователю позднейшего времени (а С. А. Мезин здесь весьма осторожно и с оговорками выдвигает гипотезу, приводя вполне убедительные аргументы), то это «приписывание» лучших чувств.

В отличие от своего героя (и, к сожалению, авторов многих популярных книг), С. А. Мезин не стремится собрать коллекцию «монстров», все участники событий в его описании выглядят очень человечно. Не только представленные автором русские, с их непонятными парижанам привычками, способны вызвать сочувствие читателя (чуть ироническое, а, может быть, и не без примеси национальной гордости), но и хозяева, пытающиеся быть на высоте с гостями, которые постоянно нарушают ход заранее продуманных и тщательно подготовленных мероприятий, и содержание которых то и дело выходит за рамки запланированного бюджета. Гиперболизированно негативные отклики принимающей стороны, замечание «французского наблюдателя» о том, что, например, генерал-адъютант П. И. Ягужинский «никогда не ложится спать трезвым» (с. 96), просьбы Петра в письмах к жене о присылке «крепиша» (анисовой водки) и тому подобные факты не смакуются как пикантные, а облекаются отстранённо-научным или иногда по-доброму ироническим отношением исследователя, который понимает и любит свой предмет.

Нельзя не отметить, что С. А. Мезин прекрасно чувствует неповторимый язык Петровской эпохи, с большим вкусом цитирует. Цитаты из писем Петра I включены в названия глав: «Визитовал меня здешней каралища...», «Был в арсеналах и в королевских домах, и где льют медная всякия штатуи...», «В Версалии и Марли сколь великий плезир имел!...». Словно в ответ в названиях других глав звучат голоса хозяев: «Этот маленький двор весьма переменчив...», «Царь проявил просвещённость и знания...», «Все здесь без ума от него...». То есть эпоха в полном смысле слова «говорит» на страницах книги.

Монография адресована «всем интересующимся отечественной историей и русско-французскими культурными связями» (с. 4). Примечательно, что здесь особо не выделены, как полагается в таких случаях, «специалисты». Главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, научный руководитель Института Петра Великого Е. В. Анисимов в предисловии пишет, что С. А. Мезин, «кажется <...> унаследовал духовную сущность лучших представителей русской профессуры позапрошлого века» (с. 8). Думается, что выше оценки быть не может. Поэтому действительно любой интересующийся

отечественной историей человек, взявший в руки книгу С. А. Мезина, получит наслаждение не просто от узнавания новых фактов, изложенных последовательно и доказательно, но и от соприкосновения с подлинной, несуетной наукой, а также от текста, сочетающего аромат языка «осемнадцатого столетия» и строгую красоту современного научного стиля.

В. В. Биткинова,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской и зарубежной литературы
Саратовского университета

НОВЫЕ ГРАНИ АНГЛОСАКСОНСКОЙ ИСТОРИИ

Рецензия на книгу: Болдырева И. И. Женщина в англосаксонском обществе конца IX – середины XI веков : социальный статус и художественный образ. – Воронеж : Изд-во «Истоки», 2015. – 212 с.

Монография И. И. Болдыревой посвящена одной из важных проблем истории Англии позднего англосаксонского периода, которая до настоящего времени практически не изучалась в отечественной медиевистике, а зарубежные исследователи затрагивали лишь отдельные её аспекты. Между тем выявление социального статуса женщины, особенностей её репрезентации в письменных и визуальных источниках позволяет дать более панорамную, глубокую и системную характеристику англосаксонского общества конца IX – середины XI столетия в целом, полнее и исторически реалистичнее осознать его специфику в период, который для английской истории по праву считается одним из поворотных, совпадая с завершением раннесредневековой эпохи.

Актуальность обращения к заявленной теме и одновременно сложность исследования обусловлены тем, что в историографии статус женщины в раннесредневековой Англии до сих пор остается объектом дискуссий, вызванных различиями в методологии, а также трудностями, возникающими при работе с раннесредневековыми текстами.

Автор монографии проделала большую и кропотливую работу по подбору, переводу и анализу источников, освещающих положение женщины в позднем англосаксонском обществе. Специфика изученных источников (именно в рассматриваемое время появляются завещания женщин и записи судебных тяжб с их участием) придает особый интерес исследованию. Документы сгруппированы автором в три объемных блока: повествовательные (нарративные), законодательно-нормативные и документальные. Важно подчеркнуть, что в процессе работы над книгой И. И. Болдырева привлекла раннесредневековые памятники, малоизвестные российской научной общественности.

Основываясь на свидетельствах разнообразных источников и некоторых имеющихся историографических наработках, автор монографии тщательно и разносторонне анализирует правовой и имущественный статус англосаксонской женщи-

ны, сложившийся к концу раннего Средневековья; выявляет представления о роли и месте женщины в религиозной и светской культуре поздних англосаксов; на примере статуса королевских жен и степени их участия в политической жизни изучает особенности отношений женщины к власти в позднем англосаксонском обществе.

Структура книги представляется вполне логичной, и построена по проблемно-источниковому принципу. Автор монографии начинает анализ с общих проблем положения женщин в X–XI вв. по законодательным источникам и литературе и переходит к рассмотрению конкретных вопросов статуса познеанглосаксонских королей.

В первой главе «Гендерные стереотипы в памятниках англосаксонской поэзии» автор обращается к анализу англосаксонской аллитерационной поэзии, дошедшей до нас в рукописях X–XI вв., и убедительно показывает, что к концу раннего Средневековья в англосаксонской культуре существовала сложная система гендерных представлений. Общественно значимые качества и социальные роли, атрибутируемые мужчине и женщине, не были одинаковы и определялись бытовыми нуждами и суровыми политическими реалиями раннесредневековой повседневности. Автором установлено, что важнейшие социальные представления раннего английского общества были связаны с образами воина и «пряхи мира». Отводя женщине роль верной жены и любящей матери, к женским качествам англосаксы относили физическую слабость и трусость. Использование аристократкой мужских моделей поведения не одобрялось обществом и считалось асоциальным. Лишь героиня религиозного эпоса могла действовать «по-мужски». Интересно, что в светской литературе женщина принимается в качестве мудрой и авторитетной советчицы, в то время как в церковных сочинениях она воспринимается как источник зла и греха.

Яркий материал, представленный во второй главе «Женщина в зеркале англосаксонского